

Ежегодно в конце декабря, по выбору или за выслугою лет, производилось перемещение преподавателей из одной категории в другую, причем при распределении «младших» окладов принимался во внимание главным образом срок службы. Раньше 2-х лет никто не мог получить следующего повышения оклада [3, с. 89].

Старшие «учащие» школ с двумя и более классами получали еще от 75 до 150 руб. дополнительного вознаграждения. В местностях с числом жителей более 1000 учителям полагалось добавочное жалование, которое в Париже достигало 375 руб., а в остальных местах колебалось от 20 до 150 руб. Старшие учителя упомянутых поселений получали вдвое большую надбавку. Кроме того, и учителя, и учительницы имели готовую квартиру или получали квартирные деньги, а также к правительственному жалованию им давалась особая «прибавка» от города или коммуны, различная в разных регионах.

Поднять уровень своего материального благосостояния можно было частными уроками, преподаванием на вечерних курсах для взрослых, выполняя во второй половине дня функции писаря или статиста. Обычно народный учитель работал секретарем у мэра, за что получал еще 300 франков. Хотя эти обязанности не были связаны с должностью педагога, их брать приходилось не всегда на добровольной основе: могли быть серьезные неприятности в отношениях с мэром, и учителю пришлось бы искать другое место работы.

Учитель народной школы был обычно женат на учительнице той или другой школы. Инспекция всегда шла навстречу и помогала супругам устроиться на работу в одной школе. Благодаря таким бракам, совершенно недопустимым, например, в Германии, где учительницы не могли выходить замуж с сохранением службы, и только терпимым в некоторых городах Англии, материальное благосостояние французского учителя увеличивалось почти вдвое, и «жизнь становилась удобнее и полнее; вместе с тем исчезал прежний тип французской учительницы – сухой старой девы, в большинстве случаев жалеющей, что ей не удалось сделаться женой и матерью хотя бы в небогатой буржуазной семье» [4, с. 49].

Пенсия народным учителям выдавалась через 25 лет службы, но не раньше 55-летнего возраста. Ранее 55 лет она назначалась только в случае болезни. Размер пенсии за полную выслугу лет определялся в половину жалования, но не менее 200 руб. в год. Если же учитель продолжал работать на своей должности свыше 25 лет, давалась большая пенсия, но не свыше 2/3 получаемого во время службы оклада. Вдова учителя, достигшего 55 лет и прослужившего 25 лет, получала пенсию в размере 1/3 пенсии мужа [5, с. 467].

Таким образом, материальное положение во Франции не считалось очень завидным, но оно позволяло народному учителю жить без особой нужды и постепенно улучшать его с переходом на высшую категорию или переводом в лучшую школу. Необходимо принять во внимание, что большинство педагогов являлись выходцами из бедных семей крестьян и горожан, но были избалованы привычками к роскоши, поэтому и в своей профессиональной деятельности они сохраняли «скромные вкусы и простоту жизни своего сословия».

Литература

1. Карский, О. Народное образование во Франции / О. Карский. – Русская школа. – 1905 г. – № 5/6. – С. 94–106.
2. Вишняков, А. Очерк современной французской школы / А. Вишняков. – Русская школа. – 1912. – № 5. – С. 41–50.
3. Готлиб, А. О материальном и служебном положении учебно-административного персонала средних учебных заведений в некоторых государствах Европы / А. Готлиб. – Русская школа. – 1901. – № 10. – С. 79–97.
4. Вишняков, А. Ук. соч.
5. Материальное положение учителей низших школ в иностранных государствах // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1907. – № 12. – С. 463–470.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

З.И. Канапацкая, БГПУ (Минск)

Характеризуя обозначившийся в последнее десятилетие научный интерес к объективному рассмотрению этноконфессионального измерения «думского эксперимента» в России 1906–1917 гг., следует отметить, что вплоть до недавнего времени этноконфессиональным и региональным вопросам в думской истории уделялось недостаточное внимание. С середины 1990-х годов проблема «Национальный и конфессиональный вопросы и Государственная Дума» начинает результативно исследоваться в двух взаимосвязанных ракурсах: в общеимперском – законодательная практика, этноконфессиональный состав Думы и ее фракций, обсуждение комплекса национальных, религиозных и региональных проблем в Думе, и в локальном – выборы в отдельных национальных регионах, политическая деятельность местных депутатов и отдельных этноконфессиональных групп и фракций в Думе.

Привлекает внимание современных исследователей практика думского законотворчества по национальному вопросу [1–2]. Появились обобщающие исследования по истории вероисповедальной политики в Российской империи [3–4]. Характеризуя литературу, исследующую локальный ракурс думской проблематики, необходимо заметить, что наравне с российскими исследователями, которые наиболее активно разрабатывают проблемы истории двух думских фракций – мусульманской [5–9] и казачьей [10–13], данный вопрос изучался и отечественными учеными [14–18]. Локализация исследований думской тактики позволяет подробнее рассматривать как местные выборы, так и деятельность депутатов Думы от регионов.

В фокусе исследований зарубежных ученых находится история национальных фракций, действовавших в Думе (Польское коло, Польско-литовско-белорусская группа, Украинская громада, литовская группа и др.). С 1960–70-х гг. разрабатывалась история Польского коло и польского вопроса в Думе [19–24]. Проблемы думской истории изучаются в соседней Литве [24–26], на Украине [27], в Казахстане [28–31], Азербайджане [32].

Во все времена есть потребность дальнейшего анализа думской избирательной модели с точки зрения ее этноконфессиональной и региональной составляющих. Российская империя конца XIX – начала XX века представляла собой сообщество, которое может быть отображено в виде сложносоставной системы: державный центр – национальные регионы. Компонентами этой системы являлись государственные и общественные институты, этносы, конфессии, национальные и политические движения и партии, политические и этноконфессиональные процессы, формы и методы этноконфессионального взаимодействия в этой системе и т. д. Эту систему отличала известная этноконфессиональная и региональная асимметрия, проявлявшаяся не только в многовариантности политико-административного статуса различных регионов, но и в двух моделях этнокультурных процессов: с тенденцией к аккумуляции и ассимиляции (особенно в тех регионах, которые издавна подверглись влиянию политики православизации и русификации); с тенденцией к росту культурной и религиозной самоидентификации, повсеместно проявившейся в национально-культурном (как светском, так и конфессиональном) воплощении.

Нерусские народы, доходившие по численности еще во второй половине XVI в. до четверти населения России, уже в конце XIX в. составляли свыше половины населения Российской империи, проживали в основном на периферии государства – Финляндия, Прибалтика, Польша, Беларусь, Украина, Бессарабия, Крым, Кавказ, Средняя Азия и Казахстан, а также чересполосно в Волго-Уралье и в Сибири. По переписи 1897 года, из 128 миллионов населения, в составе населения империи русских было более 55,6 млн. человек, украинцев – 22,3 млн. поляков – около 8 млн. белорусов – около 5,9 млн., далее шли евреи (5 млн.), казахи и киргизы (4,3 млн.), финны (2,6 млн.), татары (2,2 млн.), немцы (1,8 млн.), узбеки (1,7 млн.), литовцы (1,7 млн.), азербайджанцы (1,5 млн.), свыше миллиона человек насчитывали грузины, башкиры, латыши, армяне, молдаване, мордва, эстонцы [33, 25]. Официальная идеология под этнонимом «русские» стремилась объединить с «великороссами» (собственно русскими) белорусов и украинцев («малороссов»), доводя, таким образом, суммарную численность «русских» до 83,8 млн. человек, т. е. до 65,5 % населения Российской империи.

Более важной, чем национальная общность, признавалась в Российской империи конфессиональная принадлежность. Господствующим вероисповеданием, пользовавшимся государственным покровительством, являлось православие (69% всего населения). В конфессиональном измерении среди нерусских народов выделялись мусульмане (свыше 11% населения), католики (более 9%), иудеи (более 4%), лютеране (около 3%), а также армяно-грегарине, буддисты и другие, составляя в общей сложности почти 30% населения страны (без Финляндии, Бухары и Хивы). Нерусские и неправославные народы были законодательно и практически ограничены в своем национальном развитии.

В политической жизни важное место занимал «инородческий вопрос» (в конфессиональном измерении – инославный и иноверческий вопросы), как на уровне всего социума и его национального обустраивания, так и в диверсифицированном виде: здесь он «распадался» на польский, остзейский, еврейский, финляндский, украинский, мусульманский и ряд других подобных вопросов, что придавало «особенную остроту проблемам поддержания целостности империи» [34, 132]. Эта проблема обострялась тем, что к концу XIX – началу XX вв. под влиянием демографических и социально-экономических процессов постепенно изменялась этноконфессиональная картина, заметно росла экономическая, культурная и политическая активность многих народов.

Как известно, в связи с назначением 26 августа 1904 г. князя П.Д. Святополк-Мирского министром внутренних дел обозначилось начало периода попыток правительствального реформаторства, и непродолжительная эпоха «доверия между правительством и обществом. При встрече с царем П.Д. Святополк-Мирский выступил как сторонник умеренной модернизации политической системы и предложил свою программу неотложных политических мер, способных, по его мнению, спасти страну от революции. Важнейшими среди них были введение веротерпимости, расширение самоуправления, изменение положения национальных меньшинств и населения окраин, ослабление цензуры, признание политическими преступлениями только террористических актов. Министр пытался дока-

зять, что «развитие самоуправления и призыв выборов в Петербург для обсуждения... единственное средство, которое может дать возможность России правильно развиваться» [35, 77].

Проектом П.Д. Святополк-Мирского предлагались изменения в этноконфессиональной сфере государственного законодательства, формулировалось «два крайне наболевших вопроса» – имеющиеся ограничения старообрядцев и иудеев (по переписи 1897 года, в стране было более 2 миллионов староверов и более 5 миллионов иудеев) [36]. Эти два вопроса, касаясь одной сферы, однако, находились как бы в разных плоскостях, поскольку раскольники в основном испытывали ограничения в религиозной жизни, а евреи, – в гражданской и политических правах. Предлагая снять запреты и ограничения и установить политику веротерпимости в отношении старообрядцев, авторы доклада отдавали предпочтение их этнической общности с остальным великорусским населением, а не конфессиональным различиям: «Старообрядцы все без исключения коренные сыны России... самые стойкие представители нашей национальности».

По своему содержанию программа П.Д. Святополк-Мирского предлагала довольно-таки осторожную модель реформирования политической и конфессиональной жизни страны, а также констатировала остроту религиозных, национальных и региональных проблем, намечая пути ослабления этноконфессиональных ограничений. Последующие события 1905 г. Также показали принципиальную неразрывность этого комплекса и практическую неотложность его реализации.

В первые месяцы 1905 г. начался новый этап реализации идеи народного представительства в России в варианте «булыгинской Думы». 18 февраля 1905 г. Николай II подписал три документа. Первый – Манифест с осуждением «злумышленных вождей мятежного движения» [37, 28]. Второй – Указ Сенату, легализующий возможность обращения подданных к царю «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» [37, 27]. Так появилась легальная возможность презентовать этноконфессиональные и региональные интересы различных слоев общества в петициях и проектах. Третий документ – рескрипт на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина, в котором Николай II наконец то официально сообщил о своем намерении «привлекать достойнейших, доверием народа обремененных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений».

Так была predetermined хронология подготовки особых правил выборов для различных регионов империи и заложена будущая этнорегиональная асимметричность российской думской думской избирательной модели.

Литература

1. Зорин, В.Ю., Кулешов, С.В., Аманжолова, Д.А. Национальный вопрос в Государственных думах России; опыт законотворчества / В.Ю. Зорин, С.В. Кулешов, Д.А. Аманжолова – М., 1999.
2. Циунчук, Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения / Р.А. Циунчук – Казань, 2004.
3. Дорская, А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века / А.А. Дорская – СПб., 2001.
4. Кудрина, Т.А. Вероисповедальные реформы в России в начале XX века / Т.А. Кудрина. – М., 2003 и др.
5. Циунчук, Р.А. Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной думе России 1906–1917 гг. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века) / Р.А. Циунчук. – М., 1997.
6. Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сб. документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. – Уфа, 1998.
7. Усманова, Д.М. Мусульманская фракция и проблема «свободы совести» в Государственной думе России (1906–1917) / Д.М. Усманова. – Казань, 1999;
8. Усманова, Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте (1906–1916) / Д.М. Усманова. – Казань, 2005 и др.
9. Государственной думы России (1906–1917 гг.) // «Рубикон». Сб. научных работ молодых ученых РГУ. Вып. 20. – Ростов-на-Дону, 2002;
10. Братолюбова, М.В., Перехов, Я.А. Казачий вопрос в I и II Государственных думах России // Казачий сборник. Вып. 3. – Ростов-на-Дону, 2002.
11. Галутво, Л.М. Парламентская деятельность кубанских казаков; история и современность // Проблемы казачьего возрождения / Л.М. Галутво. – Ростов-н/Д, 1996;
12. Карапетян, Л.А. Кубанское казачество и Государственная дума четырех созывов начала XX в. // Кубанское казачество; три века исторического пути / Л.А. Галутво – Краснодар, 1996.
13. Сергеев, В.Н., Шапсугов, Д.Ю. Парламентская деятельность депутатов российского казачества (1906–1917). В.Н. Сергеев, Д.Ю. Шапсугов. – Ростов-на-Дону 2003 и др.
14. Забаўскі, М.М., Пуцік, У.С. Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906–1917 гг.) / М.М. Забаўскі, У.С. Пуцік. – Мінск, 1998.
15. Забаўскі, М.М., Дзяржаўная Дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі 1906–1917 гг. / М.М. Забаўскі – Мінск, 1999.

16. Смалянчук, А.Ф. Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905–1907 гг. / А.Ф. Смалянчук, – Гародня, 2000.
17. Смалянчук, А.Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917 гг. / А.Ф. Смалянчук – Гродна, 2001.
18. Запрудник, Я. Палітычнае змаганьне за Беларусь у царскіх Дзяржаўных Думах (1906-1917 гг.) // ARCHE – 2009. – № 1-2. - С. 43-217.
19. Werzchowski, M. Sprawy Polski w III i IV Dumie Państwowej / M. Werzchowski. – Warszawa, 1966.
20. Lukawski, Z. Koko Polskie w Rossyjskiej Dumie państwowej w latach 1906–1909 / Z. Lukawski. – Wrocław, 1967.
21. Chmielewski, E. The Polish Question in the Russian State Duma / E. Chmielewski. – Knoxville, 1970.
22. Brzoza C., Stepan, K. Poskowie polscy w Parlamencie rossyjskim 1906-1917. Słownik biograficzny / C. Brzoza, K. Stepan – Warszawa, 2001.
23. Jurkowski, R. Sukcesy i porazki. Ziemiaństwo polskie Ziem Zabraných w wyborach do Dumy Państwowej i rady Państwa 1906–1913 / Jurkowski. – Olsztyn, 2009.
24. Staliunas, D., Rinkimai, I. I Rusijos Duma. Lietuvoje // Lietuvos Istorijos MetraStis. 1992 metai / D. Staliunas, I. Rinkimai. – Vilnius, 1994. – P. 45–65.
25. Laukaitė, R. Lietuvių Valstybės Duma // Lietuvos Istorijos MetraStis, 1992 metai / R. Laukaitė. – Vilnius, 1994. – P. 31–44.
26. Gaigalite, A. Lietuvos Atstovai Pirmojoje Rusijos Valstybės Duma // Istorija, LIX–LX. 2004. – P. 44–56;
27. Киян, М.Ш. Депутаты от украинских губерний в Государственной думе Российской империи I и II созывов (1906-1907 гг.) / М.Ш. Киян. – Харьков, 1997.
28. Кожаметов, Г.З. Представительство и участие народов Туркестана и Казахстана в Государственной думе // Изв. АП Каз.ССР. Сер. общ. наук. – Алма-Аты, 1990. – № 2. – С. 78–84.
29. Озганбай, О. Государственная дума России и Казахстана (1905–1917) / О. Озганбай. – Алма-Аты, 2000.
30. Малтусынов, С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России 1906–1917 гг. (Социкультурный подход) / С.Н. Малтусынов. – Алматы, 2006.
31. Котюкова, Т.В. Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 г. г.) / Т.В. Котюкова. – М., 2008.
32. Саид-Заде, С. Азербайджанские депутаты в Государственной думе / С. Саид-Заде. – Баку, 1991.
33. Народы России. Энциклопедия. – М., 1994.
34. Кэмпбелл, Е.И. Мусульманский вопрос в России: история обсуждения проблемы // Исторические записки / Е.И. Кэмпбелл. – 4 (122). – М., 2001. – С. 132.
35. Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. – М., 1965. – Т. 77. – С. 242. Е.А. Святополк-Мирская записала, что «Государь на все соглашался и только обрадовался, когда П. (П.Д. Святополк-Мирской. – З.К.) заговорил о веротерпимости и свободе совести, сказал, что это всегда были его воззрения».
36. Данные переписи 1897 г. в 4-м, дополнительном полутоме Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Пруссия – Фома. Россия. – СПб., 1907. Россия. – С. XVIII.
37. Законодательные акты переходного времени (1904–1906 гг.). – Изд. 2-е. – СПб., 1907.

ДА ПЫТАННЯ АБ УЗАЕМААДНОСІНАХ КАТАЛІЦКАЙ ЦАРКВЫ З УРАДАМ РАСІЙСКОЙ ІМПЭРЫІ НАПЯРЭДАДНІ І ПАДЧАС РЭВАЛЮЦЫІ 1905–1907 ГГ.

У.С. Пуцік, БДПУ (Мінск)

У пачатку ХХ ст. на тэрыторыі Расійскай імперыі пражывала вялікая колькасць народаў і народнасцей. У шматнацыянальнай дзяржаве існавалі розныя веравызнанні, насельніцтва падзялялася і адносіла сябе да пэўных канфесій. Праваслаўную рэлігію вызнавала 69,4 % насельніцтва краіны, якое насяляла 50 губерняў Еўрапейскай Расіі і Сібіры. З часоў Пятра I праваслаўе ў Расіі распаўсюджвалася не толькі з дапамогай пераканання і пропаведзі, але і прымуся, што не магло не адбіцца на ўстоях Царквы. У канцы ХІХ пачатку ХХ ст. яна перажывала крызіс назіраўся яе прыкметны заняпад ва ўплыве на народную масу, што прывяло да росту рэлігійнай індывідуальнасці [1, с. 89].

Другую па колькасці канфесійную групу насельніцтва (11,1 %) складалі магаметане (мусульмане), трэцяй былі католікі (9,1 %). Да апошняй адносіліся палякі, большасць літоўцаў, частка беларусаў. Акрамя Польшчы, католікі жылі ў Ковенскай, Віленскай, Гродзенскай Валынскай, Падольскай, Віцебскай, Мінскай і іншых заходніх губернях [1, с. 89–90].

Першы ўсеагульны перапіс насельніцтва Расійскай імперыі 1897 г. зафіксаваў толькі фармальную прыналежнасць насельніцтва да той ці іншай рэлігіі, але не ўлічваў узровень і характар яго канфесійнасці. Нягледзячы на абвешчаную законам свабоду любой веры, пануючай канфесіяй у Расіі было праваслаўе, паколькі яно падтрымлівалася дзяржавай.

Узаемаадносіны Каталіцкай Царквы з расійскім урадам у ХІХ ст. заставаліся даволі складанымі. Так, за некалькі дзесяцігоддзяў знаходжання ў Расійскай імперыі рымска-каталіцкае духавенства